

ПРОБЛЕМЫ. ПОИСК. РЕШЕНИЯ

УДК 332.11: 338.2: 353.1

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ, ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ МАКРОРЕГИОНАЛИЗАЦИИ

О. Н. ВОЛКОВА,
кандидат физико-математических наук,
профессор кафедры
финансовых рынков и финансового менеджмента
E-mail: volkova@rambler.ru
Научно-исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются подходы к определению макрорегиона в исследовательских работах российских и европейских авторов. Показано, что в отечественной традиции выделение макрорегионов происходит на основе ресурсно-отраслевого принципа и воспринимается всеми акторами как заданное извне, а в Европейском Союзе (ЕС) – на основе в первую очередь социально-культурных факторов самоидентификации территорий. Определены причины этих различий и дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: макрорегион, макрорегионализация, принцип территориальности, принцип функциональности, институциональность.

Современные социально-экономические тенденции развития регионов, государств и надгосударственных формирований требуют перехода к управлению территориальным развитием на качественно новом уровне – макрорегионов.

Понятие макрорегиона широко используется во многих сферах научного знания и государственно-управленческой практики, однако, несмотря на это, оно до сих пор остается дискуссионным. В каждой области знания значение этого термина свое. Более

того, даже в рамках одной науки зачастую макрорегионы определяются по-разному, в зависимости от цели исследования или дискурса.

Исследования различных объектов и явлений в пространствах макрорегионов ведутся в рамках множества наук, в каждой из которых макрорегион определяется по-разному, и их разграничение проводится по разным основаниям. Так, например, выделение макрорегионов в физической географии осуществляется либо через систему широтных зон, либо через систему высотной поясности [11]. В исторических исследованиях макрорегионы определяются социокультурными и цивилизационными различиями [3], в туризме – направлениями туристских потоков [14]. В силу обширности понятия ограничим предмет рассмотрения данной темы подходами к определению макрорегиона в социально-экономических науках, и в дальнейшем не будем рассматривать определений, используемых в науках естественных и гуманитарных.

Цель данной работы – анализ подходов к определению макрорегиона в социально-экономических исследованиях в России и Европейском Союзе и рассмотрение дальнейших направлений работ в

этой области. Основными задачами исследования являются:

– анализ эволюции подходов к определению региона (макрорегиона) за последние полвека и выявление причины смены исследовательской программы;

– определение места термина «макрорегион» на шкале масштабов территориальных образований в региональных исследованиях России и Европы;

– идентификация основных дискурсов исследований в работах российских и европейских авторов;

– выявление причин различий в трактовках территориальности и функциональности в процессах макрорегионализации РФ и ЕС;

– выявление институциональных особенностей формирования макрорегионов в РФ и ЕС;

– объяснение причин различий в подходах российских и европейских авторов к процессам макрорегионализации;

– формулирование возможных направлений дальнейших исследований макрорегионального строительства.

Эволюция исследовательских программ.

До 1980-х гг. исследования макрорегионов велись в первую очередь в плоскости политики и международных отношений. Интересы исследователей определялись целями выработки политики по отношению к группам государств, создания и функционирования военно-политических альянсов, реже – экономических соглашений. Типичный для времен «холодной войны» подход представлен, например, в работе Дж. Ная. Автор определяет предмет исследований как «ограниченное количество стран, связанных между собой географически и в определенной степени взаимозависимых» [35].

Хотя в мировой научной литературе термин «макрорегион» довольно давно используется в работах, связанных с международными отношениями, до конца 2000-х гг. в социально-экономических исследованиях он встречался крайне редко. В частности, в процитированной работе Дж. Ная термин «регион» применяется в разных масштабных контекстах; приведенное определение соответствует сегодняшнему значению макрорегиона. Вообще говоря, «макрорегион» является многоуровневым понятием. Например, в макрорегион «Европа»¹

¹ В ряде политологических исследований самый высокий уровень регионализации, характерный и для единой Европы, получил название «мегарегион» [23].

входят макрорегионы следующего уровня: «Центральная Европа», «Южная Европа» и т. д.

В конце 1980-х гг., когда геополитическая карта Европы начала меняться, вместе с появлением новых практик международного сотрудничества и государственного управления значительные изменения претерпели и европейские подходы к регионализации. Широкое распространение термин «макрорегион» получил лишь начиная с 2008 г., в процессе подготовки Стратегии Балтийского моря [38].

В отечественных исследованиях резкий скачок интереса к регионализации произошел несколько позднее, в самом начале 2000-х гг., с созданием федеральных округов и введением института полномочных представителей президента в них.

Объекты исследования в рамках различных направлений региональной и пространственной экономики² давно и активно обсуждаются в российском научном сообществе [7, 16]. Несмотря на это, терминология в территориально-экономических исследованиях макрорегионов не устоялась: ряд авторов используют для рассматриваемого объекта исследования термин «регион» или «экономический район» [15, 19]. Встречается смешение или отождествление понятий «макрорегион» и «мегарегион» [9], «макрорегион» и «макрорайон» [1].

Традиционно российские исследователи основное внимание уделяли отраслевым и экономическим аспектам развития территорий. Выделение макрорегионов в нашей стране началось еще в первой четверти XX в. в рамках экономического районирования. Основными признаками, положенными тогда в его основу, были экономические. Так, в учебнике «Региональная экономика» (2007 г.) отмечается, что понятие «экономический район» является основным элементом территориальной структуры народнохозяйственного комплекса страны. Он выделяется специализацией в территориальном разделении труда, имеет присущую только ему структуру хозяйства, получившую развитие на основе специфического для данной территории сочетания природных ресурсов и социально-экономических предпосылок. Обязательный признак экономического района – относительно законченная система воспроизводственного процесса [19].

² Различия в значении и употреблении понятий «региональная экономика» и «пространственная экономика» сами по себе требуют дополнительных объяснений, которые в задачу данной работы не входят.

До 1970-х гг. в отечественной науке использовался термин «район», а не «регион» [12].

В то же время споры вокруг терминологии характерны не только для отечественных работ, но и для европейских. В них термин «макрорегион» используют, как правило, с отсылкой к корневому понятию «регион»³, располагая на шкале масштабов (макро-, микро-, мезо- и т. д.), и понимая его в зависимости от дискурса исследований как административную единицу, функциональную область или что-то иное.

Так, например, А. Сточьеро в своих работах оценивает перспективы создания в рамках Европейского Союза макрорегионов разных размеров, масштабов и уровня – Средиземноморского, Ионико-Адриатического или Адриатического [39, 40, 41]. Предметом европейских дискуссий последних лет является не только конфигурация мета-, мега- и макрорегионов, но и вообще проблемы территорий, обладающих общностями разной природы (экономической, исторической и т. д.) и отражающих имеющиеся формальные структуры и компетенции, в том числе сети, формирующиеся вокруг крупных агломераций. Так, например, работа Дж. Ниллинга посвящена перспективам мета-региона «Гамбург-Оресунд-Осло-Стокгольм» внутри Балтийского макрорегиона. Разноуровневость и полиспецифичность процессов регионализации характерны для региона Балтийского моря, который характеризуется Дж. Ниллингом как пространство, образуемое сетями различных масштабов – от местного до международного. При этом море задает этим сетям географический фокус, пространственную идентификацию и масштаб [32].

Понимание масштабных различий в уровнях регионализации среди европейских исследователей неоднозначно. Резкую критику сторонников общепринятых подходов к макрорегиональному строительству в ЕС можно найти, например, в работе Л. Линдеборг [33]. Ее представление о том, что такое макрорегион, лежит на шкале масштабов регионализации значительно ниже общепринятого. Автор считает, что Балтика и Дунай являются не макрорегионами, а глобальными регионами, не попадающими ни в одну из отмеченных выше

категорий⁴, а настоящим макрорегионом является сравнительно небольшое объединение административных единиц одной или нескольких соседних стран, такое, например, как Lega Nord на севере Италии.

В целом можно сказать, что в европейской научной литературе концепции, связанные в регионализацией, и в частности макрорегиональным строительством, обсуждаются в большинстве своем в политическом и культурно-историческом дискурсе и значительно реже – в социально-экономическом. Обзор таких концепций дан в работе Р. Каппелина, которая рассматривает создание европейских макрорегионов как очередной этап крупномасштабной региональной интеграции, начавшейся в Европе после II мировой войны [25].

Вторая волна этой интеграции – с конца 1980-х гг. и до настоящего времени – идет одновременно во многих направлениях, в большей или меньшей степени институционализированных. В своем исследовании Б. Хетневы делят несколько характерных для второй волны оснований для регионализации [20]:

- физико-географические границы, характеризующие общность экологических проблем;
- социальные связи между группами людей;
- институционализированная кооперация в культурной, экономической, политической или военной областях;
- ценности, разделяемые гражданским обществом;
- субъектность региональной идентичности, проявляющаяся в наличии структур принятия разного рода решений.

В последние годы традиционный для международных отношений подход, предполагающий группировку национальных государств в макрорегион на основе некоторых общих черт [9, 27, 33], трансформируется в группировку других акторов (субнациональных единиц), с учетом не только их функциональной или территориальной схожести, но и гетерогенности [24, 25]. При этом важность интеграции регионов на межгосударственном уровне также отмечается как фактор национальной и общеевропейской конкурентоспособности,

³ Хотя такой подвод к терминологии широко распространен в научных исследованиях разных направлений, в практике макрорегионального стратегического планирования термин «макрорегион» используют, как правило, без подобных отсылок.

⁴ В цитируемой работе Л. Линдеборг предлагает весьма оригинальную классификацию единиц регионализации: регион – микрорегион – трансграничный регион – макрорегион – траектория (коридор) [33]. По мнению автора, такая система заслуживает отдельного внимания, хотя и не соответствует мейнстриму европейских исследований.

способствующий созданию дополнительной добавленной стоимости во многих областях деятельности благодаря синергетическому эффекту.

В макрорегиональной тематике можно выделить три основных дискурса: территориальный, функциональный и институциональный, в зависимости от того, как отдельные исследователи и политики⁵ понимают предмет своей деятельности. Как правило, в исследовательских работах первый дискурс противопоставляется второму или третьему. Кроме того, в их рамках в настоящее время тематика исследований развития макрорегионов подразумевает несколько измерений: политическое, экономическое, правовое, отраслевое, социальное.

Территориальный дискурс в исследовании макрорегионов. Территориальность уже несколько десятилетий является наиболее часто обсуждаемым вопросом в отечественной научной литературе по региональной и пространственной экономике. В контексте общегосударственного макроэкономического планирования макрорегионы понимались как «крупные экономические зоны страны с характерными природными и экономическими условиями развития производительных сил, зависящими от сочетания и концентрации природных ресурсов, исторических факторов хозяйственного становления и регионального распределения населения» [19]. Сетка таких районов многократно пересматривалась и до недавнего времени определялась экономическими факторами территорий, а также интересами функционирования административной вертикали. Вертикальная координация всех аспектов общественной и хозяйственной жизни в нашей стране была основана на ресурсно-отраслевом подходе при существенной недооценке потенциала горизонтального развития пространственно-территориальных структур и связей [12].

В настоящее время термин «макрорегион» большинством авторов используется для обозначения территориальных образований (крупных экономических районов, федеральных округов), т. е. таксономических единиц первого уровня членения экономического пространства на территории Российской Федерации. Так, сформированные в 2000 г. семь федеральных округов в основном соответствуют традиционному макроэкономическому районированию [4, 20].

⁵ Под термином «политики» в данном случае подразумеваются лица, участвующие в формировании и реализации государственных решений всех уровней.

В европейских политико-экономических исследованиях последних десятилетий территориальный аспект макрорегионализации активно обсуждается, однако, в несколько ином ракурсе, чем в отечественной традиции. Покажем это на примерах различных определений.

В процессах разработки макрорегиональных европейских стратегий первое определение макрорегиона было дано в дискуссионной статье Еврокомиссара по региональной политике ЕС П. Самецки: под макрорегионом понимается «пространство, включающее территорию нескольких государств или регионов, объединенных одной или несколькими особенностями или вызовами, ... географическими, культурными, экономическими и др.» [37].

В более ранних работах территориальность также ассоциируется с социальными или культурно-историческими факторами. Так, А. Пааси подчеркивает, что европейская макрорегионализация, в отличие от действующих в Европе уже несколько десятилетий трансграничных соглашений, направленных на решение конкретных задач или достижение конкретных целей, определяется наличием общей «мягкой» идентичности, чувством принадлежности к общей территории в географическом, культурном и экономическом смысле [36]. В работе Р. Капеллина территория Европы рассматривается как сеть перекрывающихся макрорегионов, каждый из которых представляет собой сложную сеть урбанизированных центров, играющих взаимодополняющие и конкурирующие роли в европейском масштабе [25]. У. Вундерлих определяет регион как географическую общность, воспринимаемую таковой извне и обладающую региональной идентичностью [43].

Обобщая рассмотренные формулировки, отметим два больших различия между российскими и европейскими определениями. Первое касается уже упоминавшихся формообразующих аспектов территориальности. Российские исследователи уделяют основное внимание отраслевым и экономическим факторам, рассматривая макрорегион как расположенную на определенной ограниченной территории совокупность ресурсов для системы национального производства. В европейском понимании макрорегион – это в первую очередь общность людей, проживающих на территории и идентифицирующих себя с ней, перед которыми стоят общие вызовы. В этих исследованиях преобладают культурно-исторические и политические аспекты.

Второе различие связано с тем, как авторы понимают степень самоопределения макрорегиона и восприятие его всем сообществом – российским или европейским. В российских определениях макрорегион рассматривается как объект, территориально заданный извне, верховной властью в интересах самой этой власти, тогда как в европейских определениях во главу угла ставятся факторы самоидентификации территорий, характеризующиеся в первую очередь человеческим измерением.

Функциональность в макрорегиональном строительстве РФ и ЕС. В европейских исследованиях особенностей формирования макрорегионов, связанных с осуществлением в них властных полномочий, помимо принципа территориальности наиболее часто обсуждается реализация другого базового организационного принципа – функциональности, а также связанных с ним механизмов обеспечения взаимодействия многочисленных акторов и институтов [6] в целях реализации государственных политик и стратегий⁶.

В отличие от территориальности, которая в процессах государственного строительства подразумевает выделение на территории самостоятельных административных единиц с множеством функций, исполнение которых вменено в обязанность группам политических акторов, рассредоточенных в этих административных единицах, под функциональностью подразумевается исполнение специальных управленческих задач одним актором (институтом) или их вертикальной цепью.

Первые функционалистские трактовки региона появились в работах по теории международных отношений в 1950-е гг. Тогда, в период создания военных блоков и экономических альянсов, в теории функциональность еще отделялась четко от территориальности. Позднее, в процессе выработки

⁶ В дискуссиях о координировании стратегий развития административных единиц часто выделяются три основных принципа (механизма), которые могут способствовать согласованности действий многочисленных акторов и институтов. Первый – иерархия, которая предполагает уровневую расстановку акторов и прямое руководство ими посредством инструкций. Второй – взаимодействие, при котором ни один актор или институт формально не подчиняется другому, а согласованное действие является результатом убеждения, торга и т. д. Третий – это рынок, предполагающий координацию различных акторов и их интересов посредством обычного рыночного механизма. Как правило, все три механизма действуют одновременно, но имеют разную степень значимости. В нашей стране наиболее действенным кажется первый механизм, тогда как в ЕС – второй.

разных аспектов региональных политик единой Европой 1980–1990 гг., дискуссии о степени функциональности в процессах региональной интеграции приобрели более практический характер.

Хотя в политической науке функционалистские модели рассматриваются достаточно давно, но к реальным процессам европейской макрорегионализации применима только одна из них: модель гибкого перекрытия конкурирующих юрисдикций [31], подразумевающая создание юрисдикций, независимых от пространственных и политических границ. В чистом виде эта модель не была реализована. Однако тенденция ее использования в европейской макрорегионализации очевидна. В своей дискуссионной статье П. Самецки [37] высказывается в отношении макрорегионов о том, что «физические границы могут варьироваться в соответствии с потребностями реализации политик». Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в документах ЕС. Так, например, Еврокомиссия считает возможным расширение макрорегиона Балтики, если это потребуется в целях обеспечения качества воды [26]. Перекрытие юрисдикций также можно встретить на примере Германии, территория которой входит в сферу Стратегий Балтики и Дуная одновременно.

Основное определение макрорегиона, используемое в практиках Европейского Союза, – через общие возможности и вызовы территорий, которые требуют совместных действий там, где действия отдельных акторов не могут дать значимого результата (например при решении экологических проблем). Сам автор [37] называет это определение функциональным⁷. Такой подход делает возможным применение шкал разных масштабов при формировании макрорегионов в зависимости от масштабов вызовов, стоящих перед территориями, и функций, которые призван выполнять единый актор.

В соответствии с концепцией функциональной регионализации шкала масштабов определяется типом решаемых проблем и природой имеющихся возможностей. По отношению к Балтике основной проблемой является загрязнение моря и, как следствие этого, прилегающих к нему территорий. Исходя из этого, самым разумным способом демаркации границ макрорегиона будет их определение

⁷ Многие исследователи отмечают в этом определении признаки и функциональности, и территориальности аналогично тому, как макрорегион определяется в международных отношениях. Оба эти дискурса отмечаются и в других определениях макрорегиона [6, 32].

по границам водосбора Балтийского моря. Однако такой подход будет не самым обоснованным, если во главу угла поставить иные проблемы и вызовы. Так, А. Сточьеро отмечает в отношении исследований и разработок (второй приоритет Стратегии Балтийского моря), что местные и региональные системы этого макрорегиона уже давно и прочно включены в глобальные транснациональные техноструктуры, которые связаны с исследовательскими центрами других стран и континентов [39]. Это делает невозможным объективное и бесспорное определение научно-технических границ региона. Функциональные критерии демаркации этих границ для решения такого рода проблем можно установить только посредством политических решений.

Дуализм территориальности и функциональности – важнейшее, но лишь одно из шести измерений реальных процессов интеграции, идущих в последние десятилетия в Европе. Выбор некоторыми авторами чисто функционалистской модели существенно упрощает задачи анализа макрорегионов [31], однако такой выбор эмпирически иррелевантен, поскольку весьма далек от реального положения вещей: примеров реализации такой модели на практике не существует⁸. Тем не менее оба институционализированных макрорегиона Европы нельзя считать исключительно функциональными, поскольку в обоих случаях главными действующими акторами стратегий являются местные территориальные образования [34].

Ряд исследователей считают, что роль функционализма в формировании макрорегионов ЕС невелика, поскольку в его основе лежит кооперация, а не интеграция. Принципам классического (старого) функционализма отвечает скорее деятельность межнациональных программ ООН, а не макрорегионализация ЕС [28, 38].

Как правило, в процессах региональной интеграции и макрорегионального строительства разделить оба аспекта весьма проблематично. Их двойственная природа отмечается многими авторами [27, 28, 38]. Макрорегион формируется для решения вопросов слишком сложных для одной страны, но слишком специфичных для того, чтобы их решало Европейское сообщество в целом [34].

Принятые ЕС в 2009–2010 гг. макрорегиональ-

ные стратегии Балтики и Дуная содержат в себе и территориальные, и функциональные аспекты, так же, как и большинство других примеров дифференцированной интеграции [34].

В отечественных исследованиях функциональность напрямую никогда не обсуждается, однако сама природа ресурсно-отраслевых признаков, лежащих в основе экономического районирования и административно-территориального деления в нашей стране, по мнению автора, означает жесткое использование принципа функциональности в определении границ экономических районов и макрорегионов. Такой подход можно назвать территориально-функциональным. При этом разделить эти два аспекта в отечественной науке кажется невозможным, а в практике макрорегионального строительства – нецелесообразным.

Институциональный дискурс в исследовании макрорегионов. Институционализм, ставший весьма притягательным мейнстримом экономической науки, в последнее десятилетие привлекает все больше европейских и отечественных исследователей в области пространственной экономики. Интерес к исследованию институтов стимулировал и изучение институциональных аспектов территориального развития во всех странах. Особенно много работ, касающихся формирования социальных и политических институтов макрорегионов, появилось в последние годы после «запуска» Стратегий Европейского Союза для Балтики и Дуная и Стратегий развития федеральных округов в Российской Федерации.

По мнению автора, не вызывает сомнений тезис о том, что формирование макрорегиона представляет собой сложный процесс институционального строительства, предполагающий естественное или административное, стихийное или планомерное создание отдельных институтов или распространение на данной территории институтов, уже действующих в других областях. Речь идет об институтах, как экономических (например внутренней⁹ торговли), так и политических (например органов управления и поддержки политики государства на данной территории – межрегиональных администраций), а

⁸ Большинство функционалистских моделей дифференциальной интеграции регионов основано на примерах, успешно реализованных в политической сфере, таких, например, как Еврозона или Шенгенское соглашение [34].

⁹ Внутренней – по отношению к границам макрорегиона, которая может быть трансграничной по отношению к границам административных единиц, входящих в него. Такая институционализация может осуществляться, например, в форме создания устойчивых потоков товарообмена, торговых партнерств и сетей или межрегиональных соглашений о товарообмене.

также социальных (например общественных объединений или народных традиций).

Согласно определению Д. Норта, институты понимаются как «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и формируют возможности, которыми располагают члены общества [18]. Закрепленные в общественной практике как система норм и правил, институты уменьшают неопределенность и создают благоприятную среду для совместного решения сложных проблем обмена.

Общее определение институтов не предполагает их территориальной или функциональной закрепленности и отражает совсем другие аспекты. Вместе с тем территориальный дискурс настолько традиционен для российских региональных исследований, что прослеживается иногда даже там, где речь идет, вроде бы, об институтах. Трудно согласиться с определениями института макрорегиона как территориально распределенной сети производящих субъектов. По мнению автора, макрорегион – это, во-первых, форма территориальной институции и организации особого социально-экономического пространства, образующегося в процессе взаимного переплетения и взаимного проникновения факторов, ресурсов и условий воспроизводства, объединяемых в единую хозяйственную систему регионов [8]. Во-вторых, это территория: «...само пространство может быть переосмыслено как особая институция, т. е. социальная форма локализации функций людей, дающая им статус, определяющая их бытие и сознание» [10]. В-третьих, это совокупность функций, так как макрорегионы выступают «...типовыми организациями стратегически значимых функций, закрепленных за комплексами регионов и выполняемых ими в экономическом пространстве страны» [21].

Эти три определения отражают отечественную традицию рассматривать все социальные и экономические структуры как результат деятельности власти в первую очередь верховной (федеральной), не принимая во внимание возникшие и функционирующие независимо от власти социальные институты. Вместе с тем именно на основе этих институтов происходят процессы макрорегионального строительства в ЕС.

В европейских работах территориальность и институциональность, как правило, разделяются. Регионализация (в том числе макрорегионализация) понимается в первую очередь как процесс

формирования гибких, а часто и неформальных сетей связей между различными акторами [29, 32] – гражданами, местными организациями и институтами¹⁰. Административное закрепление границ макрорегиона вторично по отношению к процессу институционализации, уровень которой определяется степенью устойчивости сетей и связей между акторами. И уж совсем необязательно в практике ЕС формирование особых институтов (органов) управления макрорегионами¹¹.

По мнению ряда зарубежных авторов, регионы – это социальные конструкты, действующие в научной сфере и политике [27]. Они конструируются и реконструируются через целенаправленное взаимодействие различных акторов, которое в свою очередь обусловлено изменениями в их внешней и внутренней среде. Впрочем, само по себе сотрудничество в политической и административной сферах еще не означает институционализации макрорегионов [38]. Это означает, что не существует единых и наперед заданных условий или критериев для формирования региона, в том числе макрорегиона, хотя некоторые структуры и характеристики – политические, географические или иные – могут способствовать его созданию.

Следует отметить, что представление о неразделимости территориальных и институциональных аспектов макрорегионализации также присутствует в европейских работах. «Институционализация макрорегиона – это процесс формирования пространственной единицы как компонента социопро пространственной структуры, легко идентифицируемый в различных сферах социальных практик и социального сознания» [36].

¹⁰ Трактовка макрорегиона как комплекса социально-экономических связей между акторами учтена в определении, данном автором в работе [5, с. 55], где макрорегион понимается как единое пространство (не обязательно в географическом смысле), «характеризующееся общностью природно-экономических, демографических, геополитических и иных условий, обеспечивающих удовлетворение ряда общих интересов и потребностей граждан и административных единиц, находящихся на его территории, в части формирования общих инфраструктур и их использования, а также создание и поддержание сетей кооперации между хозяйствующими субъектами на основе синергетического эффекта». Справедливости ради следует отметить, что территориальность в этом определении также очевидна. Привязка к границам административных единиц обусловлена тем, что указанная работа выполнялась автором в процессе разработки НИУ ВШЭ СПб Стратегии развития Северо-Западного федерального округа.

¹¹ «Нет» – дополнительными институтам – одно из трех «нет», лежащих в основе Стратегии ЕС для Балтики и Дуная [38].

Перспективы исследований. Значительная доля европейских работ, касающихся макрорегиональных исследований, осуществляется под эгидой органов управления ЕС и служит интересам формирования и оценки осуществляемой содружеством политики. В то же время, хотя вопросы макрорегионального развития в нашей стране активно обсуждаются членами академического сообщества [2, 17, 20, 22], их влияние на политические и административные процессы кажется незначительным.

В ближайшие годы в изучении феномена макрорегиона, безусловно, должны использоваться междисциплинарные подходы. Конкретными проблемами, обсуждаемыми в исследованиях, должны стать следующие:

- подходы к определению макрорегиона;
- механизмы формирования макрорегиона в рамках одного государства (на примере России) или несколькими государствами (на примере ЕС);
- методики оценки эффективности применения теоретических моделей и подходов в практике макрорегионального строительства;
- ранжирование и рейтингование экономических субъектов (территорий, проектов, субъектов хозяйствования) в макрорегиональном контексте;
- механизмы и проблемы управления макрорегионами.

Несмотря на отсутствие общепризнанного определения того, что такое макрорегион, практики макрорегионального строительства активно развиваются в последние два десятилетия в России и ЕС.

Таким образом, в работе проведен анализ подходов к определению макрорегиона в отечественных и зарубежных социально-экономических исследованиях; выявлена связь процессов регионализации в ЕС в период последних двух десятилетий с переходом от политических аспектов в европейских исследованиях к социально-экономическим.

Особенности возникновения и применения термина «макрорегион» в России и ЕС существенно различаются. В отечественной традиции выделение макрорегионов происходит на основе ресурсно-отраслевого принципа в целях более эффективно управления территориально-хозяйственными комплексами (страна «делится» на макрорегионы). В европейской теории и практике макрорегионы выделяются на основе в первую очередь социально-культурных факторов (макрорегионы как сообщества граждан, перед которыми стоят общие вызовы

и проблемы, «объединяются» вокруг некоторых географических фокусов). Активно обсуждаются различные аспекты многоуровневости и разномасштабности таких общностей, варианты шкалирования европейских политик регионализации (макро-, мета-, мезорегионы).

В результате анализа подходов к определению и применению термина «макрорегион» выявлены три основных дискурса обсуждений – территориальный, функциональный и институциональный. Показано, что в российских исследованиях, которые традиционно ведутся в территориально-функциональном дискурсе, оба эти принципа неразделимы, а институциональность чаще всего трактуется как характеристика территории. В то же время в европейских исследованиях территориальность, функциональность и институциональность разграничиваются. Отмечена значительная разница в восприятии принципа территориальности: в отечественной литературе макрорегион воспринимается как заданное извне административное членение территории, тогда как большинство европейских авторов акцентируют внимание на культурно-исторических факторах самоопределения и самоидентификации граждан, живущих на территории.

Значительная часть выявленных различий определяется практиками макрорегионального строительства в России и Европейском Союзе. В первом случае макрорегионализация представляет собой административный процесс в рамках одного государства, во втором – имеет место дифференцированная интеграция регионов внутри общих политических границ союза государств. Эти рамочные условия должны определить направления и содержание дальнейших исследований макрорегионализации – ее форм, практик, перспектив и оценки эффективности, как для Российской Федерации, так и для Европейского Союза.

Список литературы

1. *Александрова А. Ю.* Международный туризм: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: КноРус, 2002.
2. *Ахолова В. Б.* Механизм интеграционного взаимодействия социально-экономических систем субъектов Российской Федерации в пространстве макрорегиона. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2007.
3. *Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики). В кн. Альтернативные пути к цивилизации. М.: 2000. С. 96–114.

4. Вишневский Д. С., Демьяненко А. Н. Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // *Пространственная экономика*. 2010. № 4. С. 6–31.
5. Волкова О. Н. Методология макрорегионального планирования развития туристско-рекреационного комплекса Северо-Западного федерального округа // *Региональная экономика: теория и практика*, 2012. № 23. С. 54–63.
6. Вольман Х., Букерт Г. Организация государства во Франции и Германии: между территориальностью и функциональностью // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2007. Т. 2-й. № 2–3. С. 59–90.
7. Горшенина Е. В. Региональные экономические исследования: теория и практика / монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009.
8. Инишаков О. В. О стратегии развития Южного макрорегиона России (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
9. Инишаков О. В., Митрофанова И. В. О концепции регионального мегапроекта «Юг России» // *Вестник Южного научного центра РАН*, 2009. Т. 5. № 3. С. 133–140.
10. Инишаков О. В., Фролов Д. П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // *Пространственная экономика*, 2007. № 1. С. 5–21.
11. Исаченко А. Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.
12. Клемешев А. П. Регион в условиях глобализации // *Вестник ВолГУ*. 2005. № 2. С. 22–38.
13. Кузнецова Т. Е. Российское пространство и проблемы его организации // *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2010. № 1. С. 98–113.
14. Манаков А. Г. Туристские регионы мира. География культурного наследия: учеб. пособие. Псков: ПГПУ, 2011.
15. Минакир П. А. Региональные социально-экономические исследования: теория и практика // *Экономическая наука современной России*. Экспресс-выпуск. 2002. № 1(8). С. 48–56.
16. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // *Пространственная экономика*. 2011. № 4. С. 124–134.
17. Основные направления стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа Российской Федерации на период до 2015 года / под ред. С. Д. Воронцовой и М. Н. Григорьевой. СПб: «Знание», 2003.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
19. Региональная экономика: учебник / под ред. Видяпина В. И. и Степанова М. В. М.: ИНФРА-М, 2007.
20. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. А. Г. Гранберга. М.: Наука, 2004.
21. Фролов Д. П. Эволюционная перспектива институциональной экономики России: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.
22. Шеховцева Л. С. Стратегическое целеполагание развития региона: монография. СПб: Издат. центр экон. ф-та СПбГУ, ОЦЭиМ, 2007.
23. Bgh A. The Perspectives of Danube Strategy in the EU28: The challenges for the ECE-WB interregional cooperation. September 2012. URL: <http://events.uaces.org/documents/papers/1201/agh.pdf>.
24. Bogacz M. Why does the EU need macroregions? Comparative analysis based on the theoretical explanation and a survey of the enforcement of the EU's Strategy for Baltic Sea Region and the Strategy for the Danube Region. Master's Thesis Aalborg University, 2011. URL: <http://projekter.aau.dk/projekter/da/studentthesis/why-does-the-eu-need-macroregions%284da37ada-f219-47ec-99f2-1b93cbfe5bd0%29.html>.
25. Cappellin R. Transborder Co-operation along the External Borders and the Turnabout of Regional Development Policies: A Mediterranean Perspective. In Hedegaard & Lindström (eds). *The NEBI Yearbook 1998*. Berlin: Springer. P. 323–335.
26. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region. Brussels, 10.06.2009. URL: http://www.ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/com_baltic_en.pdf.
27. Dubois A., Hedin S., Schmitt P., Sterling J. EU macro-regions and macro-regional strategies – A scoping study // *Nordregio Electronic Working Paper*, 2009. URL: <http://www.nordregio.se/en/Publications/Publications-2009/EU-macro-regions-and-macro-regional-strategies>.

28. *Duhr S.* Baltic Sea, Danube and Macro-Regional Strategies: A Model for transnational Cooperation in Europe? *Notre Europe*, September 2011. URL: http://www.oerok.gv.at/fileadmin/Bilder/2.Reiter-Raum_u_Region/4.Europ-Raumentwicklung/Makroregionen/allgemein/2011-09_Stefanie_Duehr_2011_.Baltic_Sea_Danube_and_Macro-Regional_Strategies_-_A_model_for_transnational_cooperation_in_the_EU.pdf.
29. *Herrschel T.* Regional Development, Peripheralisation and Marginalisation – and the Role of Governance. In: *Herrschel T., Tallberg P.* (eds.) *The Role of Regions? Networks, Scale, Territory*. Kristianstads Boktryckeri, Sweden, 2011, p. 85–102. URL: <http://www.skane.se/upload/Webbplatser/RU/Dokument/theroleofregions.pdf>.
30. *Hettne B.* Globalization, the new regionalism and East Asia. United Nations University, Shonan Global Seminar, 1996. URL: <http://archive.unu.edu/unupress/globalism.html#Globalization>.
31. *Holzinger K., Schimmelfennig F.* Differentiated Integration in the European Union: Many Concepts, Sparse Theory, Few Data // *Journal of European Public Policy*, 2012. URL: http://www.eup.ethz.ch/people/schimmelfennig/publications/12_JEPP_Differentiated_Integration_in_the_European_Union.pdf.
32. *Knieling J.* Metropolitan Networking in the Western Baltic Sea Region: Metropolitan Region of Hamburg between Multilevel Governance and Soft Spatial Development. In: *Herrschel T., Tallberg P.* (eds.) *The Role of Regions? Networks, Scale, Territory*. Kristianstads Boktryckeri, Sweden, 2011, p. 195–213. URL: <http://www.skane.se/upload/Webbplatser/RU/Dokument/theroleofregions.pdf>.
33. *Lindeborg L.* The Baltic Sea Region: A Global Region – No Macroregion. In: *Herrschel T., Tallberg P.* (eds.) *The Role of Regions? Networks, Scale, Territory*. Kristianstads Boktryckeri, Sweden, 2011, p. 281–288 URL: <http://www.skane.se/upload/Webbplatser/RU/Dokument/theroleofregions.pdf>.
34. *Matarrelli F.* The Macro-regional Concept as a New Model of Differentiated Integration. Master's Degree Thesis, 2012. URL: <http://www.lunduniversity.lu.se/o.o.i.s?id=24965&postid=2542949>.
35. *Paasi A.* The institutionalisation of regions: a theoretical framework for the understanding of the emergence of regions and the constitution of regional identity, *Fennia* 164, p. 105–146.
36. *Samecki P.* Macro-regional strategies in the European Union. A Discussion Paper, 18.09.2009. URL: http://www.interact-eu.net/downloads/1682/macro-regional_strategies_in_the_European_Union.pdf.
37. *Schymik C.* Blueprint for a Macro-Region. EU Strategies for the Baltic Sea and Danube Regions. SWP Research Paper 2011/RP 10. URL: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2011_RP10_shy_ks.pdf.
38. *Stocchiero A.* Macro-Regions of Europe: Old Wine in a New Bottle? *CeSPI Working Papers*, 65/2010. URL: http://www.cespi.it/WP/WP%2065-CeSPI%20Macroregioni%20europee%20_eng_.pdf.
39. *Stocchiero A.* The geopolitical game of the European Union strategy for macro-regions: Where does the Mediterranean stand? *CeSPI Working Papers*, 74/2010. URL: <http://www.cespi.it/WP/WP%2074%-0Stocchiero%20macroregioni.pdf>.
40. *Stocchiero A.* The external dimension of the European Union macro-regional strategies in the Mediterranean. *CeSPI Working Papers* 77/2011. URL: <http://www.cespi.it/WP/WP%2077%20external%0dimension.pdf>.
41. *Bmit K.* Europe of Monnet, Schumann and Mitrany: A historical glance to the EU from the Functionalist perspective // *European Journal of Economic and Political Studies*. 2009. № 2, p. 41–70. URL: <http://ejeps.fatih.edu.tr/docs/articles/47.pdf>.
42. *Wunderlich U.* The New Regionalism – An Analytical Framework for the Conceptualisation of European Integration? *Bologna*, June 2004. URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-bologna/docs/283.pdf>.
43. URL: <http://www2.unwto.org/en/regions>.